

ИЛЪЯ
ТЁ
БРОНЕВОЙ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 29

Разработка серии *Е.Савченко*

Иллюстрация на обложке *В.Нартова*

Тё, Илья.

Т 29 Броневой / Илья Тё. — Москва : Эксмо, 2015. —
384 с. — (Tanki Online).

ISBN 978-5-699-76639-0

Третья книга литературного проекта на основе популярной онлайн-игры TANKI ONLINE!

В конце XXI века в результате глобальной ядерной войны все государства мира были разрушены. На смену им пришли территориальные Администрации. Слабая власть вынуждена опираться на бандитские кланы, чтобы поддерживать хоть какой-то порядок. В почти полностью разрушенном Новосибирске и его окрестностях царит бандитский беспредел. Главная сфера наживы – тотализатор. Самые большие прибыли приносят ставки в «Красных Танках Онлайн». Двадцатилетний Петр Малярийкин, чтобы отомстить за смерть друга и любимой девушки, решает принять в них участие, надеясь встретиться на поле боя со своими врагами лицом к лицу... Вернее – броня к броне...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-76639-0

© Тё И., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Рекогносцировка

Серые тучи навевали дремоту. Растянувшись от горизонта до горизонта грязным покрывалом, низкие и тяжелые, они не предвещали ничего хорошего. Во всяком случае, случайному путешественнику, не дай бог оказавшемуся под ними на бескрайних просторах великой Сибирской равнины, стоило их остерегаться. Хотя, казалось бы, они могли грозить лишь скорым «весенним» дождичком. Но дождичком, как водится, холодным, злым и немного отравленным, как вся мать-природа в окружающем прекрасном мире.

Над жухлой травой и мятым серо-бурым снегом весело хулиганил цепкий порывистый ветер, завывая и постанывая на изуродованных стенах руин, на краях снарядных воронок, покрытых льдом и застывшей мерзостью, на рваных остовах металлоконструкций и прочих останках почившего здесь огромного мегаполиса.

В центре описанного выше «труп» населенного пункта возле дороги, напоминающей скорее месиво экскрементов, нежели федеральную трассу Е74, — каковой она, безусловно, продолжала считаться официально, — возвышалось некое сооружение, которое два возившихся в нем (и одновременно про-

живавших) странных индивида звали не иначе как «наш ангар».

В некотором смысле «наш ангар» представлял собой прямое наследие малого аэропорта на окраине уничтоженного прошлым Новосибирска. Еще до минувшей войны часть его хозпостроек переделали под ремонтные боксы для грузовой техники, склады и прочую хренотень — равно как разбомбленный а-ля Дрезден-1945 знаменитый аэропорт Толмачево. Целых зданий к концу войны оставалось мало (бомбили, сволочи, от души), и аэропорты, как наиболее защищенные ПРО и ПВО объекты минобороны, использовались вояками даже для размещения штабов. Впрочем, в финале возни с налетами и зенитками малый новосибирский аэропорт все же получил свою «порцию» — в виде гигантской авиационной воронки. Инфраструктура, соответственно, накрылась. За исключением пары зданий на окраинах. Включая — о да! — «наш ангар».

Двух индивидов, составлявших население «нашего ангара», или, все привыкли говорить, «наш-ангара», звали до примитивности просто: Калмыш и Малярыйкин, о чем недвусмысленно вещала обшарпанная вывеска над ржавыми воротами заведения. Чуть ниже вывеска дополнялась еще одной искрометной фразой — «т-е-х-о-б-с-л-у-ж-и-в-а-н-и-е & т-ю-н-и-н-г», но более мелкими буквами и криво. Синергичность нижней надписи не являлась простым совпадением. Калмыш занимался ТО, а Малярыйкин, соответственно, тюнингом. Это были вроде как их вторые фамилии. Типа тех, что женщины в

мусульманской Франции получают после лишения девственности, а мужчины в православной Африке — по вступлении в бедуинский ганг.

По завершении войны на развалинах города, в котором до ковровых бомбардировок проживало сорок миллионов человек, выжили только те, кто сильно не хотелдохнуть. И был готов для этого вкалывать, словно накачанный героином мул. Останков техники вокруг было полно: трупы подбитых танков и вертолетов, машины военные и гражданские, битые и поломанные, груды металлолома, пластика, ржавых и изувеченных взрывами стволов, останков бытовой и офисной техники, мебели со встроенными электронными чипами и прочей лабуды. И эта лабуда не обходилась без навороченной электроники, а человечество среди высоких технических достижений, по странной иронии, отходило в конце двадцать первого века на тот свет. Словно по смешку величайшего из комиков, господ Бога, люди перед массовым вымиранием наострились делать самые сложные и дорогие в истории человечества технические «примочки».

Основывая свой бизнес именно на этом неисчерпаемом стратегическом ресурсе — гигантских руинах, — множество технически грамотных людей после Войны-Смерть взяли за работу, зарабатывая себе на хлеб и попутно восстанавливая почти утраченную людскую цивилизацию.

Именно к таким гордым, но обреченным восстановителям утраченного относились оба совладельца мастерской «Калмыш & Малярийкин». Перво-

го из них звали на самом деле вовсе не Калмыш, а совершенно обыденно — Константин Алексеевич Калмышев. Калмыш — своего рода производное от совмещения имени и фамилии. Пытливый ум, зоркий взгляд и способность «оживлять механику» позволяли этому уникальному, но слегка чудаковатому индивиду чинить и оживлять современные молодежные игрушки — настраивать моторы, собирать самоходные аппараты и даже создавать настоящее гоночное оружие — бронированные мотоциклы с пиками и таранами для диких уличных разборок. С заказчиками проблем не возникало — в мире, где клубы и кинофильмы тихо скончались, а за наркотики в прямом смысле рубили башку без всякого суда, основным увлечением молодежи стала брутальная уличная техника. Точнее — гонки и схватки с ее использованием. А также, конечно, понты ее обладателей.

Примерно здесь (на понтах) свой законный пост занимал давний приятель Калмыша, старина Маляркин. Художник, творец и любитель нечастой выпивки. Общеизвестного, как у Калмыша, прозвища у него не было. Ибо парень сильно не вышел лицом. Большинство прозвищ, которые к нему прилипали, были либо оскорбительными, либо оскорбительными ужасно. По этой причине окружающие величали его грубо по фамилии. И только напарник иногда позволял себе называть товарища Маляром. То ли издеваясь, то ли из крайнего уважения к искусству.

Надо признать, при всей своей невнятной, даже отталкивающей внешности талант к красоте у Маляра был от Бога.

Петюня Малярыйкин был ростиком в три с половиной табуретки, с рябой страшной харей и косоватыми глазками, битым носом, взлохмаченной белобрысой шевелюрой и прочими достоинствами гаражного мачо. Однако, когда речь заходила *об истинной красоте*, равных Маляру отыскать было невозможно. Тачки и байки, выходившие из-под кисти Пети Малярыйкина, оказывались не просто прекрасными — БОЖЕСТВЕННЫМИ. Серые полуржавые монстры, грустно заползавшие в «наш ангар» на авторемонт и тюнинг, выходили оттуда покрытые арабской вязью и рунами. На них расцветали фантастические цветы и пейзажи. Парили драконы и единороги. Крались за добычей белые медведи и африканские львы! Все это Маляр создавал без компьютера и графических программ — собственными руками, талантом и самогоном. В нынешнем бесцветном серо-буро-малиновом веке, на бесконечных равнинах планеты-помойки Маляр стал почти единственным гением, создававшим прекрасное среди ужасного, чудное среди жуткого, живое среди руин.

Собственно, в основном из-за Малярыйкина в мастерню двух приятелей тянулись заказчики от заобских окраин до центральных кварталов сдохшей и разлагавшейся столицы Сибири.

В отличие от криворожего напарника, Калмыш, напротив, имел рожу симпатичную, а с творчеством — отношения сложные. Ибо считал, что механик подобен трактору, и лишь тот, кто пашет с утра до вечера, способен добиться в этой печальной профессии непечального результата.

Впрочем, в данный конкретный вечер, испорченный, как поминалось выше, мрачностью туч и ожиданием мерзкого ливня, Калмыш возился с явлением не вполне заурядным, творческим и даже, можно сказать, требовавшим от него частицы креативного осмысления. На столе под руками мастера сопел и постанывал *акватиновый двигатель*, тот самый, что использовался в основном за пределами руинированного Новосиба-Наукограда в далеком процветающем Киеве, Берлине и прочих мировых притонах. Мерный гул ультрасовременного движка усыплял уставшего за день техника, продолжавшего затягивать установочные болты на раме агрегата. Основная работа, требовавшая участия интеллекта, была сделана, и сейчас Калмыш ковырялся сугубо на автомате, выполняя механические действия, почти не участвуя в них разумом. Шума от работающей модели было немного. Особенно если сравнивать с углеводородными моторами прошлых столетий. Равномерное гудение навевало тягостную дремоту. Калмыш клевал носом, то и дело рискуя упасть на собственный стол с уникальным силовым агрегатом и выронить отвертку. В промежутках между носовым заныкиванием в сторону акватинового движка пацану снилось море, которое он никогда не видел, мамуля и батя (неизвестные даже в большей степени, нежели море), а также прочие захватывающие интригующие объекты.

Калмыша из сна вырвал крик.

— Костян, что, опять задрях?! Сейчас обварит тя, придурок, как в прошлый раз! Не спать! — про-

орал Петя Малярыйкин, вваливаясь в ангар с лопатой наперевес, словно с винтарем в бою. На что имел право. Снег, который соскребали с подъездной дорожки всю зиму, слежался вперемежку с копотью, отработкой, прочим дерьмом и сейчас стал твердый, как деревяшка. Нежной девоньке Весне эта субстанция поддавалась мало. Однако лому и лопате — вполне. Поскольку талый снег содержал изрядную долю всякой отравы, Маляр, как всякий эмоционально-творческий человек, долбил его последние дни просто остервенело. И на тачке отвозил подальше от дверей. Дабы испарения, понимаешь, не скапливались в ядовитые лужицы.

Калмыш открыл правый глаз и вяло помахал рукой. На крики напарничка ему было давно и убедительно наложить. Однажды, конечно, его обварило кипящим тосолом, но то было давно (почти год назад, ух — вечность!) и был он тогда зеленый. В отличие от тосола температура кипящего и булькающего акватина, насколько Костя сам установил опытным путем, не превышала шестидесяти градусов. То есть обжечься и обвариться нереально при всем желании, поскольку акватин не кипел, а словно бы только изображал кипение — испарялся, впитывался и все такое.

Интересно, но выхлопная система у акватиновых конструкторов отсутствовала напрочь, создавая замкнутый на девяносто восемь процентов контур, от КПД которого у Малярыйкина головной мозг закручивался в спинной. Как говорится, «Аве!» умникам

ВТЭК¹. Чтобы сдохли все, не болели. Прикол с «умниками» состоял в том, что ученые научного департамента ВТЭК, запуская в народ массовое производство акватина, рассчитывали сохранить ноу-хау. Но не смогли. Больно ушлый народ выжил в Сибири после Войны-Смерть — неушлые-то систематически помирали! Посему Калмыш полагал, что скоро акватин станет дешевле воды, Маляр упорно доказывал обратное. Ну а пока...

Пока Калмыш потер сонные глаза.

— Нормально все будет, Петя, — просипел он задумчиво. — Законы физики, братюнь, никто не отменял.

— Да че мне твоя физика? — Малярийкин отставил лопату, стянул свитер через голову и закинул на полку. — Время много теряешь, братюнь, возишься с этой хреновиной. Думаешь, акватин твой хваленый в частных мастернях надолго задержится? ВТЭК все обратно к грязным ручкам приберет, вот увидишь. Даю пару месяцев, не больше. Seriously, Кот! Скоро будем закапывать этот твой хваленый акватинный движок, пока полицаи по темени сапогами не настучали. Причем закапывать с ремкомплект. А я говорил тебе: не бери эту хрень новомодную. Не бери!

— Пока сволочи из ВТЭК все оформят, времени пройдет, братюнь, — возразил Кот. — Люди поймут, что акватин полезен, а делается легко. Что еще надо для пиратского производства? Только меньше шлюх

¹ Всемирная топливно-энергетическая корпорация. — Здесь и далее примеч. автора.

на улицах, чтобы не отвлекали. И больше самогона, чтобы реже из дома выходить.

Малярийкин дебильную шуточку пропустил мимо ушей. После тяжелого физического труда, который, как известно, ни хрена не облагораживает, он был злой.

— Лучше бы танком своим занялся, — выцедил художник. — Который месяц Нике обещаешь? И чего?

Калмышу нечего было возразить. Посему, тяжело вздохнув (сон резко сгинул), он принялся с усердием ковырять ультрасовременный движок.

Помянутая Малярийкиным мадемуазель Ника (между прочим, *женщина* — редкий конструкт для вшивой мастерни на окраине города) являлась третьим субъектом, весьма часто обретавшимся на территории «наш-ангара». И даже, в некотором смысле, будущим совладельцем.

Тому было две причины. Во-первых, Ника отлично ладила с техникой. Была не просто женщиной, но механиком. А во-вторых, была умна, миловидна, спортивно сложена и умеренно болтлива. То есть чудо как хороша! Надо упомянуть, что между двумя приятелями, возможно, из-за внешних данных Калмыша и почти явного уродства Маляра, имелось еще одно различие — к ним по-разному относились дамы. Упомянутая красотка Ника более года являлась девушкой и сожительницей г-на Калмыша. И, соответственно, — потенциальным третьим партнером «наш-ангара». А вот Малярийкин

женским вниманием был обделен совершенно. При чем, насколько знал Калмыш, с самого рождения.

Говоря откровенно, Малярийкин был не виноват. В Центральной Сибири после долгих, а главное, по-настоящему *страшных* Серых десятилетий сороковых-девяностых годов двадцать первого века детей, осиротевших, брошенных и проданных за еду, оказалось больше, чем детей обычных, «семейных». Остатки, а лучше сказать, останки государственной машины проявляли себя в этом полубандитском регионе необычайно скромно, в основном — в форме отдельных *акций* Специальных Полицейских Сил либо отдельных *сделок* Совета Директоров ВТЭК, деятельность которых (и тех и других) носила, признаваясь честно, весьма узкоспецифический характер. Соответственно, помимо отдельных вспышек активности СПС и ВТЭК бал повсюду правили мафиозные кланы и всепожирающая анархия. Люди, уставшие от беспредела, иногда создавали силы самообороны, но это имело смысл только в отдаленных селах, далеко в тайге. Ближе к центру Новосибирска вместе с ростом численности уцелевшего населения росла и сплоченность банд, доводивших беззащитных жителей грабежами и мародерством порой до полного отчаяния.

Впрочем, в последние годы ситуация, по мнению Малярийкина (и Калмыша, согласного с товарищем почти во всем и всегда), стала улучшаться. СПС присутствовали в центральных столичных дистриктах постоянно. Между бандами произошло относительно стабильное распределение районов

и территорий. Грабежи сменились «налогообложением», пусть тяжким, но все-таки упорядоченным. Немотивированные пытки и убийства жителей по-прежнему происходили, обрстая в слухах жуткими подробностями. Однако бояться собственной тени местные обыватели отучились, воспринимая бандитов уже не как головорезов, но как официальную власть. В большинстве случаев так и было — банды, закрепившиеся в районах, нанимались Полициейскими Силами в качестве «добровольных групп самообороны» либо местных «администраций». Порядок устраивал всех. Под такой уголовно-легитимной крышей вокруг разрушенного войной мегаполиса начинали заново зацветать торговля, ремесла, даже искусство — как минимум вроде рулетки и проституции. А также, разумеется, автотюнинг и авторемонт.

На общей волне экономического роста дела у автомастерской «Калмыш & Малярийкин» в целом шли неплохо. На хлеб хватало, на сало тоже. Калмыш и Маляр даже начинали задумываться о чем-то большем и даже — невероятно, кабы их спросили три года назад, — пробовали мечтать!

Маляр, например, мечтал о расширении. Заасфальтировать подъездные пути перед ангаром, починить кровлю над руинированными зданиями вокруг, поставить настоящую покрасочную камеру, новые подъемники, трапы, закупить гидравлический кран и инверторный сварочник, генератор киловатт на сорок, лебедки, электроинструмент... В общем, зажить. Еще Маляр мечтал о бабах. Таких, например, как Ника. В смысле, таких замечательных